

Священник Александр Дьяченко

ВРЕМЯ НЕ ЖДЕТ

Сборник рассказов

Москва · Издательский дом «Никея» · 2016

Серия «Священническая проза»

*Допущено к распространению Издательским советом
Русской Православной Церкви ИС Р16-605-0217*

ISBN 978-5-91761-571-4

© Издательский дом «Никея», 2016

Содержание

Предисловие	8
Ностальгия	12
Ломка	22
Танец	34
Контакт	38
За чертой	46
Дедушка	50
«Мир, где оживают мечты»	56
«Не клонись-ка ты, головушка»	67
Радоница	80
Фэн-шуй, или Сердечнокаменная болезнь	88
Гиезиево проклятие	98
За мир во всем мире	109
Великим постом	120
Вперед в прошлое	132
Загадка	142
«Волною морскою...»	145
И Он исцелил всех	156
Давайте доверимся маме	170
Метаморфозы	184
Тетя Галя	193
Китайский Новый год	207
«Неопалимая Купина»	220
Первая любовь	231
Лучший подарок	237
Конец — делу венец	243

My life... My rules	255
Мишка и Маришка	269
Дедуктивный метод	277
Дежавю	293
Лицом к лицу лица не увидеть	303
Дружба народов	313
Лучник	325
Дорога на небеса	336
Старые клячи	349
Машина времени	355
Жертвоприношение	365
Голубой квадрат	377
Геркулесова болезнь	387
Время не ждет	397
Гонорар	410
Право выбора	421
Возлюби ближнего своего	427
Визитная карточка	443
Вечная музыка	457
50 тысяч долларов	468
Анекдот	477

Из рассказов об отце Филиппе

Победа	492
«Милосердия двери...»	498
Бабы басни	513
Дрон	525
Мелодия	540
На берегу реки	554

*Моим родителям
с благодарностью
посвящаю эту книгу*

Предисловие

Каждый рассказ отца Александра Дьяченко — это разговор по душам. Так бывает, когда случайный попутчик через несколько минут беседы становится вдруг родным человеком и герои его историй оживают перед тобой, будто ты их тоже давно знал, а теперь внимательно и жадно слушаешь о них новости. Это безусловный дар рассказчика и собеседника — оживлять своих героев, делать их нечужими.

Как собеседник опытный и тактичный, батюшка предлагает читателю поразмышлять над его повествованием и самому сделать выводы, приберегая свои главные слова напоследок, чтобы они прозвучали в тот момент, когда мы готовы их услышать. Подчас мы находим их в самом конце, иногда даже в последнем предложении. Беседа течет, истории переливаются одна в другую, и ты перестаешь замечать время.

Время — один из главных героев книги. Может быть, отчасти потому, что рассказы отца Александра — это, по сути, дневниковые записи, сотканые из житейских наблюдений, услышанных историй и приходской хроники. Это фотографии нашего времени в оптике личного эстетического и, что еще важнее, духовного опыта. Собственно, ведь проба пера отца Александра состоялась в Живом журнале — дневнике в его современном формате. Любой дневник — зеркало, в полной мере отражающее время с его вопросами

и проблемами. Главные слова об отношении ко времени и истории звучат в рассказе «Визитная карточка», что делает его ключевым в сборнике: «Суд историков — это не главное. Главное происходит сейчас. История творится в данный момент, и каждый из нас участник этого делания. И каждому предстоит давать за него отчет. И еще, предложи мне сейчас снова стать молодым и начать все сначала. Откажусь. Мне не нужно ничего чужого, а мое время пускай остается со мной, потому что это моя жизнь и это моя визитная карточка».

Открывают сборник рассказы, которые поднимают тему свободы человека, вновь ставшую актуальной. Советское прошлое нашей страны — вопрос полемический. Сейчас модно идеализировать его. Однако через расстояние в четверть века легко не заметить, забыть, чего стоила та самая стабильность, вызывающая у многих ностальгию. Она стоила свободы. Конечно, не в смысле вседозволенности и беспредела, темных ее сторон, с которыми привычно ассоциируется у нас эпоха 90-х. Нет, речь о свободе быть собой.

Мы живем в непростое для нашей страны время, тревожное. Негромко, тактично напоминает нам автор о необходимости трезвиться, бдить, ибо от каждого из нас зависит, каким будет завтрашний день России, — историю делаем мы.

Время не ждет. Оно скоротечно. Осознание этого факта заставляет обращаться к воспоминаниям. Поводом здесь может послужить путешествие в родной город, встреча со старшеклассниками или воскресное Евангельское чтение. «Память» вообще одно из ключевых слов сборника. В память о людях совершают поступки и жертвуют на храмы. В память о родине

хранят листок со стихами, в память о детской дружбе — открытку. Важными словами о памяти завершается сборник. «Там начинаешь многое забывать, — говорит Маша, пережившая клиническую смерть героиня рассказа „На берегу реки“, — и вдруг неожиданно просыпается память. Память — большое дело, она обязывает спешить к тем, кого любишь».

К теме смерти автор возвращается многократно. Как он сам признается в одном из интервью, «смерть — это некий рубикон, некий момент истины, поэтому на эту тему я пишу часто». Смерть — это экзамен. «Неправильно тебе сказал, что время неуловимо приближает нас к смерти, — размышляет лирический герой рассказа „Время не ждет“. — Нет, не к смерти оно приближает нас, а к Небу. Там исчезает власть астрономического времени, минут и секунд, и там никто не умирает».

Эти рассказы не о смерти, а о жизни, вернее, о Жизни Вечной и о подготовке к ней. У кого-то это получается хорошо, у кого-то не очень, а кто-то и вовсе не успевает, бесконечно откладывая подготовку... Все это становится пищей для размышлений, сначала авторских, а затем и читательских. И вот уже вместе с батюшкой мы идем на Радоницу по кладбищу, вспоминая усопших и продолжая о них молиться, а они молятся о нас, ведь «любовь, если она, конечно, есть, и после смерти никуда не исчезает».

Часто мы становимся свидетелями чуда, произошедшего с тем или иным героем книги перед лицом смерти. Исцеления, обращения к вере, переоценка жизни становятся возможными благодаря любви героев, способных на жертву. «Жизнь за жизнь», высота Христова подвига — вот условие совершения чуда. Так происходит со многими героями книги отца

Александра, например, в рассказах «Жертвоприношение», «Милосердия двери...», «Давайте доверимся маме», «И Он исцелил всех». Каждая такая история — доказательство бытия Бога, Который действует здесь и сейчас.

«Книги как люди, и приходят порой тогда, когда они кому-то очень и очень нужны», — пишет автор в рассказе «Лучший подарок». Хочется верить, что книга отца Александра пришла к нам вовремя.

Александр Логунов

Ностальгия

Не знаю. На самом деле я не могу понять, почему у меня, тогда еще ученика восьмого класса советской средней школы, отличника учебы и комсомольского секретаря, вдруг появилось бредовое желание — стать священником. Пускай бы в моем детстве была бабушка, которая водила бы меня украдкой в церковь или заставляла учить «Отче наш». Так ведь нет, бабушек своих я не помню, и я ни разу не видел, чтобы молились мои родители. У нас в доме никогда не ругали Христа, не потому, что верили, а просто о Нем вообще не говорили, не существовало такой темы.

В детстве я часто играл рядом с костелом, их в нашей местности было предостаточно, но почти никогда не заходил в православный храм. Меня туда не тянуло. Я совершенно равнодушно проходил мимо церквей и костелов. Я не был крещен, и более того, сразу же по вступлению в комсомол меня избрали комсоргом класса. И вдруг, совершенно на пустом месте, вот хочу стать священником, и все тут, а это середина 70-х.

Стал осторожно наводить справки, где учат на священников. Мне подсказали, что совсем недалеко от нас, под Слономом в Жировицах, находится семинария. И я решил туда поступать. Тот факт, что я был не крещен и не знал ни одной молитвы, меня совершенно не смущал. Более того, я вообще себе не представлял, чем занимается священник.

В это время на экраны страны вышел художественный фильм об одном монахе-священнике. Батюшка приехал служить в какой-то заштатный городок, а в том городке трудился очень нравственно положительный секретарь райкома. Всякий раз, когда он проходил мимо единственного в их городе храма, все его секретарское нутро начинало восставать при мысли, что вот на его глазах «погибает» от религиозного дурмана неплохой по сути человек, то есть этот самый батюшка.

Короче, фильм кончается так: монах, насколько я помню, становится кем-то очень высокопоставленным, может, даже епископом, и одновременно встречает любовь в лице сознательной атеистки, которая и помогает владыке стать нормальным человеком. В финале фильма епископ бежит по лугу и, не прекращая бега, срывает с себя и забрасывает в высокую траву панагию с подрясником. Все по-советски столь перспективно и жизнеутверждающе, что так и хочется бежать за ним к новому светлому будущему.

Галина Михайловна, наша классная руководительница, в приказном порядке заставила нас посмотреть этот фильм. И что вы думаете, вместо того чтобы бежать вслед за киношным расстригой, мое желание стать священником только утвердилось. Как-то в разговоре с родителями, когда папа поинтересовался:

— Ну, так в какое военное училище будешь поступать, танковое или командное? — я совершенно без всякой задней мысли ответил:

— Папа, я подумал и решил пойти в семинарию, на священника хочу учиться.

Такую немую сцену, какая произошла в тот момент с моими родителями, я видел в своей жизни еще только один раз, когда в нашем областном театре

показывали гоголевского «Ревизора». Помню, как мама, схватившись за сердце, ойкнула и присела на диван, а папа, придя в себя, сперва молча показал мне кулак, а уж потом, обретя дар речи, добавил:

— Вот только попробуй. Ты что, погубить нас хочешь?

Почему погубить?! Мне была непонятна тогдашняя реакция родителей на мое в общем-то невинное заявление. Я ничего не знал. А они, люди опытные, боясь, что я где-нибудь что-нибудь ляпну, молчали при мне о совсем еще недавних массовых репрессиях. Я был послушный сын и не мог пойти против отца.

Помню, как после летних каникул, перед началом занятий в девятом классе, мы собрались во дворе школы. Ребята рассказывали друг другу, где были и чем занимались летом. У нас в классе учился Слава Петров, весьма оригинальный мальчик. В начальной школе это был первейший разгильдяй, двоечник и второгодник. А потом с ним что-то произошло, и он решил, что ему нужно учиться. Петров постарался наверстать упущенное, закончил среднюю школу, потом техникум и, по-моему, даже институт. А в довершение всего еще и женился на круглой отличнице и золотой медалистке. Так вот, Славка смеется:

— Мужики, я сейчас вам такой анекдот расскажу, вы от смеха попадете.

Славка действительно мог отчебучить что-нибудь забавное, и я подошел ближе, уже было приготовившись смеяться.

— Короче, мы с отцом этим летом калымили. Церковь в Путришках красили, нормально заработали. Так вот тамошний поп мне и говорит:

«Славка, я вижу, ты человек старательный и из тебя будет толк. Если хочешь, могу тебе помочь поступить

в Жировицкую семинарию. А потом, глядишь, священником станешь. Нам такие добросовестные нужны».

Я ему отвечаю:

«Да я же вашей премудрости не знаю и молиться не умею».

А он мне:

«Ничего, Славк, молиться — дело наживное, ты только соглашайся, а я тебя научу».

Батя мой слушает, как меня поп охмуряет, и тоже туда же:

«А чего, сын, подумай, я противиться не стану».

Пацаны, прикиньте! Я такой лет через десять в рясе в школу как завалюсь, так наша классуха точно с ума сойдет!

Славка смеется, хохочут пацаны, представляют в лицах нашего чудного Славку в черной рясе, с крестом на пузе и Галину Михайловну, которая, увидев своего бывшего ученика в таком страшном виде, словно подкошенная падает в обморок.

Я стою, пытаюсь вместе со всеми смеяться, а сам чувствую, что у меня от обиды слезы наворачиваются. Ну почему все так несправедливо, ну почему я, почти отличник, дисциплинированный ученик, комсорг класса, обязан подчиняться всем этим условностям, почему моя мечта может перечеркнуть карьеру моему отцу и моих родителей обязательно «попрут» из партии? Почему второгодник и еще недавний пофигист Славка может стать священником и ему никто не станет мешать?

А его отец, простой работяга, дает добро сыну на учебу в семинарии. Получается, что лучше быть работягой и не зависеть ни от каких условностей. А зачем тогда учиться? И главное, почему сам Славка смеется

над предложением того батюшки, неужели ему на самом деле смешно?

Прошли годы, я окончил школу, отучился в институте. Потом служил в армии. Время шло, и я перебрался в Россию. Уезжал временно, просто интересно было пожить рядом с Москвой. Хотелось попробовать свои силы в науке и в то же время начать работать. Хорошие годы, ты молод, полон сил и еще не обременен семьей.

Как-то профсоюзные боссы лаборатории, где я работал, заказали автобус и решили повезти коллектив на культурный отдых. Что собой представлял такой отдых? Мы обычно ездили в какой-нибудь московский театр, смотрели какую-нибудь постановку или концерт. Потом нас завозили в магазин, мы затаривались продуктами и ехали назад. По дороге домой коллектив традиционно пил водку и горланил песни.

В тот раз было решено поехать в Троице-Сергиеву лавру. В компании таких же молодых девчонок и ребят мы гуляли по лавре, ходили смотреть иконостас в Троицкий собор. К мощам, понятно, никто не прикладывался, нам даже и в голову такое не приходило. Кстати, народу тогда в лавру приезжало так же много, как и сейчас. На дворе стояла зима или ранняя весна, еще лежал снег, хорошо было и на улице, и на душе. Мы шутили и весело смеялись.

Проходим мимо семинарии, ее территория отделена от остальной лавры металлическим забором. Смотрю, а за забором раздетые, без шапок и верхней одежды, быстрым шагом от корпуса в корпус перебегают ребята, я сразу понял, что это семинаристы. Коротко стриженные, в черных строгих костюмах с воротничком-стоечкой.

Я тогда отстал от своих, подошел к решетке, встал, прислонился к ней. Держусь за прутья руками, смотрю на ребят и думаю:

«Какие же они, наверное, счастливые и живут совсем в другом мире, словно ангелы».

На душе было покойно, хотя где-то там, глубоко внутри меня, звучала горькая мысль:

«А ты никогда не будешь таким, это не твоя жизнь. Тебе нельзя, ты другой. Ну что же, другой так другой, у каждого своя судьба».

Жизнь шла своим чередом, и годы сменяли друг друга. Я тоже менял места работы, снова служил в армии, но понимал, что все, чем бы я ни занимался, мне неинтересно. Время проходит, а я с ужасом осознаю, что не могу определиться в жизни. Не могу понять, кто я и зачем живу, не могу понять своего предназначения, метался из стороны в сторону, легко добивался высот, но не получал ни радости, ни внутреннего удовлетворения, ни покоя.

Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы не грянула горбачевская перестройка. А вместе с ней и эпохальные изменения в стране. Я плохо разбирался в происходящих тогда событиях, да и не особо к этому стремился. Но однажды вдруг понял: «Я свободен! Пришло время, и я могу жить так, как хочу, и больше не зависеть ни от каких условностей».

Наступало время романтиков. Мы выбрасывали членские билеты и учетные карточки, мы получили свободу выбирать. Только вот свобода выбора оказалась для многих из нас, неподготовленных к нему, жесточайшим испытанием. Вокруг нас разваливались целые отрасли, рушились предприятия, новейшее заводское оборудование отправляли на металлолом. И в то же время не чувствовалось отчаяния,

и самое главное — народ повалил в храмы. Мы шли креститься.

Помню, как в нашем храме отец Павел крестил сразу чуть ли не по сотне человек. Не могу себе представить, как бы я сейчас справился с такой ситуацией. Повсеместно люди требовали открытия храмов и на свои, тогда еще скудные, средства восстанавливали разрушенные церкви. Ходоки из многих мест ехали в епархии и требовали:

— Дайте нам священника!

Это так понятно, что при каждом храме должен быть священник, но только где же их было взять, да еще в таких количествах? Священник — это все-таки «штучный товар». Его сперва вырастить нужно, да желательно бы при алтаре. Обучить, и не только, как правильно служить, хотя и этому приходится учиться всю жизнь. Священник еще и народ учить должен, самому главному учить, евангельскому слову и евангельскому делу. Но тогда было не до жиру, ну хотя бы просто начать служить.

Стали рукополагать практически всех, кто был способен произносить ектеньи и был мужем одной жены. Понятно, что не обходилось без казусов. У нас наподобие анекдота ходил рассказ о том, как рукоположили в диакона одного молодого человека, и тот, когда ему велели читать на службе Апостол, вдруг заявил, что книга, мол, эта не православная и читать он ее не станет. На недоумение священника молодой диакон показывает:

— Так вот же написано: «конец всем святым».

Это старинная помета, указание для чтеца, где заканчивать чтение на праздник всем святым, а батюшка диакон, как человек православный, святых почитал и, естественно, «кончать всех святых» не

мог. Кстати, мне тогда же встречался священник, действительно не почитающий святых, а другой батюшка принципиально не прикладывался к иконам. Всего хватало. Через несколько лет нам все это аукнулось. Но это потом, а в те годы мир казался веселее-радужным.

Приезжаешь в Москву, выходишь на станции «Арбатская», и вот они, кришнаиты. Красавцы. Размалеваны под индейцев — или под индийцев? Молодые ребята и девушки, чем они занимались у входа в метро? До сих пор не могу понять. Маленькие детки с бритыми головками и разрисованными мордочками. Книжек своих никто из них мне не предлагал.

Однажды со мной из Москвы в электричке ехал целый вагон кришнаитов. Хорошие такие ребятки, но очень уж чудные.

Здесь же возле «Художественного» суется цхашники. «Церковь Христа», это они себя так называют. «Вы хотите получить ответы на самые важные вопросы в жизни?» Конечно, хотим, только знаешь ли ты ответы на эти самые вопросы, дружок? Больно уж у тебя вид жалок. С такими глазами все чаще у церкви попрошайничают, а не человечество спасают.

Никогда не забуду ребятшек из «Белого братства», вот тех мне действительно жалко. Вроде неглупые лица, а нацепили на себя простыни и стучат в маленькие медные тарелочки. Вовсю пиарят свою «богиню» с коброй на голове. И ладно если бы только они. Открываешь газету, какой-нибудь «Труд», уважаемое некогда издание. А там на всю страницу: маленькие человечки слетаются к большому человеку, стоящему на облаке. Это «белобратчики» встречают своего бога на небесах. Под картинкой реклама конца света с конкретной датой «полета».

Шутки шутками, но в одной столичной газете в разделе криминальной хроники читал, что в Москве одна бабушка голову себе сломала, как же ей конец света встречать. В обозначенное время легла она на кровать и лежит ждет, а входную дверь запирать не стала. Должны же как-то к ней ангелы попасть. Простая душа, привыкла верить любимой газете «Труд». Заходят два мужика, глядят на бабушку. А та им:

— Ну вот уже и ангелы прибыли. Сразу полетим?

«Ангелы» тут же смекнули:

— Полетим-полетим, только из вещей кое-что собрать нужно.

И кого потом винить? Этих «ангелов», комсомольскую «богиню» с коброй на голове или газету «Труд», что печатала всякую ерунду?

Нет, и все-таки хорошее было время. Наше предприятие окончательно развалилось, и я ушел работать на железку простым рабочим, как Славкин отец. Крестился, стал ходить в храм, пел на клиросе и был счастлив. Через несколько лет поступил учиться в богословский институт. Сегодня это уже уважаемый университет, а тогда нас было мало, и мы все любили друг друга — и студенты, и преподаватели.

Сейчас иногда возвращаюсь памятью в те годы, годы романтиков, годы поиска. Никогда уже больше в храмы не приходило столько людей, как тогда, в начале 90-х. Сколько одних только москвичей ехало в далекие епархии — принимали сан, служили в деревнях, поднимали разрушенные храмы. Годы прошли, многие из них перестали быть романтиками, суровые будни все расставили по своим местам. Но кто-то все равно научился летать.

Каждая эпоха имеет для меня свой зримый образ. Годы революции ассоциировались с крейсером

«Аврора», Великая война — с плакатом «Родина-мать зовет», а вот начало 90-х у меня неразрывно связано с такой картинкой: время полдень, подземный переход от метро «Арбатская» к Новому Арбату. Народу в переходе, как сейчас в метро в час пик. Еле идем, дышим один другому в затылок: пробка. Людской поток, медленно поднимаясь вверх по лестнице, вынужден обтекать какое-то препятствие. Подхожу ближе, а препятствие — это бомж. Сидит здесь же на ступеньках и читает книжку.

Думаю, чем же ты так зачитался, человек? Пробрался к нему и заглянул через плечо, а это Евангелие от Луки. Вот он, наш тогдашний символ: спившийся и обобраный человек, утративший образ, сидит против сметающего все на своем пути людского потока с Евангелием в руках. И поток ничего не может с ним сделать. Ругается, толкает, но смиряется и вынужденно обтекает его, словно утес, и в этом мне до сих пор видится надежда.

Размышляю над своей судьбой и понимаю, что если когда-нибудь у кого-нибудь вдруг, даже по совершенно непонятной для него причине, появится самое малое желание быть с Ним или даже не желание, а просто вырвется невольный вздох сожаления, что до сих пор это не так, то в тот же самый миг Христос немедленно выйдет ему навстречу. Пройдет сквозь тернии и годы, для того чтобы ответить на этот вздох, и сделает все от Него зависящее, чтобы эта встреча обязательно состоялась.